

Глава III

Интересы безопасности и политика России в кавказском регионе

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

1. Введение

С точки зрения геополитики крах Советского Союза был едва ли не революцией. Все еще очень часто можно услышать ссылки на «бывший СССР», «бывшие советские республики» или «постсоветское пространство», хотя единства этого пространства больше не существует. Украина, Узбекистан, Эстония и Армения уже никогда не станут сталкиваться с теми же проблемами, а значит, и испытывать нужду в нахождении одинаковых решений. От какой бы сумятицы ни страдало Содружество Независимых Государств (СНГ) — иногда в результате недавних устремлений ряда независимых государств к восстановлению экономических связей друг с другом, а особенно с Россией, их политический развод скорее всего будет окончательным. Возникает новая Восточная Европа. Украина, Беларусь, Европейская Россия и среднеазиатские страны начинают ясно осознавать свою отдельную идентичность, а три страны Закавказья с полным правом скоро можно будет рассматривать как отдельный регион.

Российское присутствие является общим для всех новых геополитических сочетаний. Европейская Россия, естественно, составляет часть новой Восточной Европы. Центральная Азия, куда входит и Казахстан, содержит значительный восточнославянский элемент. Закавказье неразрывно связано с Северным Кавказом, составляющим неотъемлемую часть Российской Федерации. Таким образом, если уж есть страна, которая все еще может рассматривать остальные 14 бывших республик как свою периферию (хотя и не гомогенную), то это Россия. Даже Москва не может позволить себе утверждать, что «ближнее зарубежье», при всем своем неперменном подтексте, представляет собой некое единое целое. Хотя неизбежно существуют некоторые общие для всех новых регионов элементы в подлежащих рассмотрению вопросах внешней политики и безопасности России, постепенно повышается значимость именно отличительных черт.

Цель настоящей статьи состоит в анализе посткоммунистических интересов безопасности России, направленности и характера ее политики во всем кавказском регионе, охватывающем его, так сказать, северную и южную части. Он начинается с оценки наследия прошлого постольку, поскольку это все еще актуально сегодня и поможет наметить контуры грядущего. Затем мы переходим к обсуждению настоящих и будущих представлений России о своих интересах безопасности в регионе.

Противоречивые подходы к этим интересам находят отражение в нередко путаной политике Москвы во многих спорах, возникающих по обеим сторонам Главного Кавказского хребта. Наконец, в работе предпринимается попытка наметить перспективы края на будущее и подвести некоторые итоги.

2. Наследие прошлого

По мере того как Россия становилась многонациональной империей, в середине XVI в. она начала проникновение на Кавказ. Потребовалось три столетия неустанных усилий, чтобы включить весь этот регион в метрополию по известной модели завоевания: путем ведения войны и оказания покровительства. Движущей силой этой экспансии являлись не столько торговля и идеология, сколько геополитические и стратегические интересы. Большая часть войн велась против двух других крупных держав в регионе: Турции и Ирана, и в XVIII и XIX веках установилась динамика треугольного «великодержавного» соперничества. Это соперничество часто приводило к конфронтации в районе, лежащем между Черным и Каспийским морями. Кавказ и особенно Закавказье стали как «буферной зоной», так и полем битвы между преимущественно православной империей на севере и главным образом мусульманскими державами на Ближнем Востоке. Ввиду того что Россия была сравнительно толерантна к неправославным верованиям, ее «поход на юг» никогда не приобретал размаха крестового похода.

Пик русской экспансии на Кавказе совпал с упадком Османской империи и увяданием мощи Персии. Поэтому русские были победоносны в боях, хотя им поначалу приходилось преодолевать ожесточенное сопротивление их тогдашнего противника. С начала XIX века русские утвердили свою гегемонию в регионе. И все же им всегда нужно было помнить о том, что их собственные внутренние и международные слабости могут открыть «окно возможности» для соперников, которым последние не преминут воспользоваться. Слабость России также навлекла бы интервенцию внешних держав, таких, как Великобритания, Германия или США.

В целях укрепления своего владычества на Кавказе Россия пыталась разжигать вражду между тамошними властителями. В общем и целом метод «разделяй и властвуй» был предпочтительной тактикой для поддержания имперского мира. Веками формировалась модель клиентских взаимоотношений. Такого рода взаимоотношения ставили Петербург, а позднее Москву в положение арбитра, к которому приходилось обращаться всем сторонам в любом внутреннем конфликте и чье суждение они должны были уважать.

Приняв на себя эту роль, Россия затем должна была действовать гибко и проявлять большой прагматизм в области урегулирования конфликтов.

Вряд ли оставались стороны, которые не имели каких-либо обид в отношении русских, хотя парадоксальным образом все стороны сильно зависели от России. Время от времени некоторые кавказские общины объявлялись «внутренним врагом», и с ними беспощадно расправлялись.

Даже сегодня некоторые элементы этого наследия остаются в силе. «Геополитический императив» все еще очень силен. Фактически исчезновение Советского Союза и конец биполярности возродили многие из традиционных черт регионального соперничества и внутренней вражды. Ныне высказываются опасения, что в последующем может повториться эпизод, имевший место ранее в этом веке, когда Россия, первоначально ослабленная первой мировой войной и фактически разорванная на части большевистской революцией, отступила из этого региона. Вследствие этого регион вскоре превратился в поле битвы. Армяне воевали с азербайджанцами и грузинами; последние также сражались с абхазами и осетинами; чеченцы схватились с казаками, а ингуши с осетинами (этот список показателен, но не является исчерпывающим).

Эти конфликты внезапно прекратились несколько лет спустя, когда Россия вернулась в этот район в другом обличье, хотя фактически играла во многом ту же роль, что и прежде. Обречены ли теперь Россия и народы Кавказа пойти вновь по одному и тому же пути, будет центральным вопросом настоящей статьи.

3. Интересы безопасности России на Кавказе

1991 год провел водораздел в восприятии Россией своей идентичности и интересов. Как строительство империи, так и коммунистическая идеология оказались дискредитированы. В своем желании «сбросить» с себя другие советские республики российская политическая элита сознательно ускорила распад СССР. Она рассматривала республики как обузу, вынуждающую Россию впустую растрачивать свои ресурсы. В своих действиях она руководствовалась комплексом интересов, которые можно суммировать фразой: «Назад в семью цивилизованных наций».

Безопасность ассоциировалась уже не с глобальным или региональным балансами силы или просто военной мощью, но с идеей принадлежности к группе демократических и богатых стран. Лидеры «новой России» полагали, что приоритетный интерес в плане национальной безопасности состоит в том, чтобы вступить в НАТО и Европейское сообщество, а не в том, чтобы восстановить Советский Союз. Для большинства других республик бывшего СССР это новое отношение означало, что политика российского правительства теперь является политикой благожелательного пренебрежения. Желание сократить затраты и уйти, особенно из районов конфликтов, и в частности на Кавказе, было очень сильным. Эта новая политика была поддержана российским народом, уставшим от вовлечения страны в мелкие войны на старой советской периферии. Русские заплатили за это тяжелую цену: немало их военнослужащих (из них много призывников) было убито и истрачены значительные материальные и финансовые ресурсы.

Во многих из первоначальных надежд посткоммунистической России можно теперь увидеть не что иное, как обольщения. По мере того как перспектива достижения зажиточности становилась все призрачней, сама судьба демократии и реформ в России становилась все более сомнительной. В 1992 г. имели место широкие и ожесточенные дебаты о русском самосознании и национальных интересах. Как можно было ожидать, первоначально продемократическая, прозападная программа действий была постепенно отброшена как неадекватная или нереалистическая, и была заново открыта чистая геополитика. В 1993 г. произошла постепенная «коррекция курса», во многих случаях совершавшаяся теми же людьми, которые высказывали совершенно иные идеи

всего лишь год назад. В то время как внешнеполитическая концепция, исходившая из МИДа в январе 1993 г., еще носила много родовых признаков подхода в духе «цивилизованной семьи», окончательная версия концепции, разработанная Советом безопасности России в апреле 1993 г., содержала значительную дозу «реализма». Наконец, в военной доктрине (принятой в ноябре 1993 г.) была предусмотрена явно более энергичная политика в отношении того, что русские стали называть «ближним зарубежьем», имея в виду бывшие республики Советского Союза^[1].

Рассматриваемое из Москвы, Закавказье вполне составляет часть «ближнего зарубежья». Считается, что в этом районе сосредоточены жизненно важные интересы России, и они, с точки зрения Москвы, оправдывают претензию на особые российские права и ответственность. Их можно подразделить на несколько категорий.

В простых геополитических терминах Россия кардинально заинтересована в превращении бывших республик в «пояс дружественных государств». Разумеется, в таком интересе нет ничего специфически русского; все будет зависеть, однако, от того, как будет определяться, что такое «дружественность». Аркадий Вольский, бывший советский главный администратор в Нагорном Карабахе и лидер «центристского» «Гражданского союза», доказывал осенью 1992 г., что «геополитическая реальность» в регионе осталась, в сущности, той же, что и в XIX в. Ввиду этого, заключал он, «мы не можем, даже если бы захотели, уйти сейчас с Кавказа, и призывать к этому наивно»^[2]. Как и в других местах, Москва в первую очередь опасается вакуума безопасности: как бы другие державы, будь то региональные, как Турция и Иран, или глобальные, как США, не заполнили его в ущерб собственным интересам России. Ряд российских чиновников среднего ранга, включая Евгения Амбарцумова, председателя комитета по международным делам Верховного Совета РФ в 1992—1993 гг., провозглашали, по сути, российский вариант доктрины Монро для бывшего СССР.

Безопасность, как внешняя, так и внутренняя, несомненно, является приоритетным интересом России в том, что касается Кавказа. Причины этого многообразны. Важнейшая из них, по-видимому, заключена в единстве, присущем кавказскому региону, к которому принадлежит ныне независимое Закавказье, как и российский Северный Кавказ. Этот регион состоит в основном из горных нерусских республик, входящих в состав Федерации. Коренное население как культурно, так и лингвистически тесно связано со своими соплеменниками к югу от Большого Кавказа и на равнинах, населенных преимущественно русскими. Поэтому на карту поставлено единство Федерации. Для того чтобы предотвратить эффект выплескивания и не допустить возникновения конфликтов в данном регионе, Россия принимала меры к тому, чтобы по мере укрепления стабильности в Закавказье конфликты там прекращались. Конфликт из-за Нагорного Карабаха породил напряженность по всему Кавказу, вынудив тысячи этнических армян к переселению в Краснодарский и Ставропольский края, а также в Москву^[3]. Эта миграция обострила межэтнические отношения в данных краях. Нестабильность вызвала спрос на оружие и боеприпасы. Это, в свою очередь, привело к образованию нелегальной сети торговцев оружием; отсюда возникновение многочисленных незаконных вооруженных формирований на российской территории. Для этих формирований — от самостийных национально-освободительных армий до явно преступных банд — самый длительный конфликт в регионе оказался настоящим полигоном.

Конфликт в Южной Осетии имел драматические последствия в Республике Северная Осетия, составляющей часть Российской Федерации. Абхазский конфликт вызвал напряженность в этнически родственной Республике Адыгея. Эти конфликты создали трудные проблемы для федеральных властей в Москве. С одной стороны, Федерация не может игнорировать интересы своих членов, не рискуя тем, что они от нее отвернутся. С другой стороны, Россия заинтересована в сохранении территориальной целостности всех государств в регионе, в противном случае хуже всех будет самой России.

Российское правительство не может игнорировать судьбу этнических русских, проживающих за пределами границ Федерации, даже если защита этих меньшинств часто объявляется предлогом для империалистических авантур. Большую напряженность создает не внешний, а внутренний аспект проблемы. До распада СССР русские не составляли крупного меньшинства ни в одной из закавказских республик.

Республика	Численность населения, тыс. чел.	Этнич. русские, тыс. чел.	%	Русско-язычные, тыс. чел.	%
Армения	3304	51	1,6	66	2,0
Азербайджан	7021	391	5,6	528	7,5
Грузия	5400	341	6,3	479	8,9

Источник: «Население России. Ежегодный демографический доклад». Центр демографии и экологии человека. М., 1993. С. 15.

Никакое из закавказских государств до сих пор не проводило антирусской политики; фактически они предпочли бы, чтобы «их» русские оставались. Эти государства боятся, что исход создаст крупные проблемы для их национальной экономики, особенно в промышленности, науке, информации и здравоохранении, где русские значительно превышают коренных работников в реальном исчислении. Это особенно относится к Грузии, Азербайджану и даже Армении^[4].

Конфликты внутри региона заставили тысячи русских эмигрировать, причем многие уехали на север, например в Ростов. Хотя в Нагорном Карабахе было очень мало этнических русских, этническая напряженность в Баку вылилась в антиармянские погромы 1990 г. Эти погромы и «азербайджанизация» профессиональной и социальной жизни наряду с бременем длительной войны привели к наплыву иммигрантов в Россию. 70 тыс. русских жили в Абхазии. В результате войны в этой части Грузии около тысячи из них были убиты и 30 тыс. спаслись бегством^[5]. Многие из этих людей имеют возможность стать российскими гражданами по закону, принятому в 1992 г. До сих пор российское правительство не добилось большого успеха в оказании им помощи. Осенью 1993 г., по оценке Федеральной службы миграции, около 400 тыс. иммигрантов придут из Закавказья в ближайшие два года^[6]. Если этот прогноз верен, на рубеже будущего столетия в этой местности останется очень немного этнических русских.

Внутренний аспект «русского вопроса» касается положения в северокавказских республиках русских, которым в основном отдан приоритет над титульной этнической группой. Существует также проблема русских казаков, которые также дают сильную

ответную реакцию, добиваясь своей традиционной цели: превращения в общину, занятую охраной границ. Есть и межэтническая проблема между казаками и их старыми недругами, такими, как чеченцы. Стабилизация межэтнических отношений внутри собственных границ — труднейшая задача, которую предстоит решать российскому правительству.

Вторым по значению фактором после геополитических интересов России на Кавказе являются ее экономические интересы. Во времена советской плановой экономики некоторые отрасли промышленности развивались исключительно в нескольких районах СССР. Распад Союза и вызванный им разрыв давнишних кооперационных связей нанес ущерб российской экономике. Россия все еще зависит от поставок ряда товаров из закавказских стран: две трети необходимого ей бурового оборудования производится в Азербайджане; сборка истребителей СУ-25 производится в Тбилиси, а ряд запчастей к другой военной технике изготавливается исключительно в Армении. Вазген Манукян, бывший министр обороны Армении, говорил об «громодном количестве военных заводов», унаследованных его страной от бывшего СССР. Армения реально не нуждается в выпускаемых там изделиях и продолжала экспортировать их в Россию «без перерыва, несмотря на блокаду»^[7]. Интересно, что бывший посол Азербайджана в России Хикмет Гаджи-заде утверждал, что даже при правительстве Народного Фронта предприятия ВПК Азербайджана продолжали работать на выполнение заказов из Москвы^[8].

Помимо азербайджанской нефти, Кавказ не особенно богат полезными ископаемыми. Для российского государственного и частного капитала, однако, может оказаться в определенной мере привлекательным инвестировать в регион, знакомый многим русским предпринимателям. Можно отметить, что, несмотря на все войны, стабильный спрос обеспечивает непрерывную поставку некоторых товаров.

Положение Кавказа на стыке Азии и Европы делает его важным перекрестком для нескольких крупномасштабных проектов, требующих сотрудничества стран всего континента. Проблематичный вопрос о выборе маршрута для строительства нефтепровода для поставки среднеазиатской нефти из Тенгизского месторождения в Казахстане и газопровода для перекачки природного газа из Туркменистана уже порождает конкуренцию между различными странами. Россия выступает за северный путь через Новороссийск, Турция поддерживает «центральный» маршрут Азербайджан — Армения, а Иран предлагает южный вариант Азербайджан — Иран — Турция в качестве своего пути решения проблемы.

Чисто военный интерес, который имеет Россия на Кавказе, как будто снизился по сравнению с императорским или советским периодами. Ныне он носит в основном оборонительный характер и не допускает широкомасштабное стратегическое проникновение, включая оказание военной помощи, поставку боеприпасов и т.п. какой-либо третьей стороне. Чтобы воспрепятствовать любым потенциальным попыткам Турции воспользоваться благоприятным случаем в момент распада СССР, маршал Шапошников, бывший главнокомандующий Объединенными вооруженными силами СНГ, предупредил, что если Турция совершит военное вмешательство в армяно-азербайджанский конфликт, то может вспыхнуть «третья мировая война». В марте 1993 г. министр обороны России генерал Грачев поставил условием военного

сотрудничества России с Турцией прекращение военной помощи Баку со стороны Анкары.

Россия намерена дислоцировать свои военные силы в регионе на постоянной основе, чтобы предотвратить вызывающий столько страхов «вакуум безопасности». Армению российские войска, по сути, так и не покидали. Армянское правительство все время приветствовало их как полезное средство сдерживания не столько Азербайджана, сколько Турции. Невзирая на все конфликты в Абхазии, российские войска остались в Грузии и вновь пришли в Южную Осетию вскоре после того, как они были оттуда выведены, на этот раз в качестве сил по поддержанию мира. Эвакуировавшись из Азербайджана в середине 1993 г., они осенью того же года стали оказывать давление на Баку, чтобы тот разрешил размещение российских пограничников на иранской границе. Если вокруг Нагорного Карабаха установится мир, который нужно будет поддерживать, подобно тому как это с июня 1994 г. происходит в Абхазии, фактически все силы по поддержанию мира скорее всего будут российскими.

Подлинный российский интерес заключается в охране и поддержании своих границ (ср. Таджикистан). Лишь советские границы были и остаются должным образом демаркированы, оборудованы и укомплектованы соответствующим персоналом — новые границы России с бывшими республиками СССР нередко представляют собой немногим более чем воображаемые линии, к тому же не очень четкие. Возведение новых пограничных инфраструктур, видимо, является слишком дорогим и кропотливым делом. Поэтому в интересах самих республик держать «внешние границы Содружества», особенно в Средней Азии и на Кавказе, под совместным (т.е. преимущественно российским) контролем. По словам командующего российской 127-й мотострелковой дивизией, дислоцированной в Гюмри (Армения), задача его подразделения состоит в том, чтобы «защищать интересы России, хранить границы бывшего Союза»^[9].

Для повышения своей значимости и/или содействия своему экспорту, российские военные и оборонная промышленность ищут союзников и покупателей. Армения являлась одним из инициаторов Договора о коллективной безопасности. В соответствии с Ташкентским соглашением, подписанным в мае 1992 г., все закавказские государства получили в наследство часть бывших советских вооруженных сил и инфраструктуры^[10]. Это означает, что в будущем они скорее всего будут завязаны на Россию в деле получения вооружений, запасных частей и боеприпасов. Подготовка офицеров закавказских армий, вероятно, будет осуществляться в России.

Россия, таким образом, имеет жизненно важные интересы на Кавказе, которые охватывают геополитику, экономическую, военную и социальную сферы. Российские лидеры со временем стали более решительно охранять и защищать эти интересы.

4. Российская политика на Кавказе

Российская политика на Кавказе с 1991 по 1994 г. часто была непоследовательной и противоречивой. Это отчасти объяснялось кризисом идентичности, поразившим российскую политическую элиту сразу после распада СССР. Внутриполитическая борьба в России привела к образованию двух примерно равных лагерей с почти противоположной внешнеполитической программой. Каждая из обеих группировок

владела одной из ветвей власти и пыталась проводить свою собственную политику невзирая на другую. Это состояние «двоевластия» усугублялось неизбежным бюрократическим «перетягиванием каната» по поводу того, кто будет контролировать внешнюю политику и политику в области безопасности. Наконец, может быть, важнее всего было то, что вследствие распада советского строя и Вооруженных Сил СССР гражданские должностные лица и военачальники всех рангов приобрели большую степень независимости и стали служить собственным индивидуальным интересам. Конечным результатом было то, что процесс принятия решений был разорван на части.

Было бы правильным сказать, что именно военные играли в Закавказье наиболее видную роль. Их части были расположены по всему краю, и они были вхожи ко всем важнейшим политикам. Они также контролировали наиболее важный капитал в любой конфликтной ситуации, а именно вооружение, боеприпасы и инфраструктуру. Генерал Грачев мог уверенно говорить по широкому кругу вопросов, касающихся ситуации на Кавказе, без опасения, что президент примет иное, чем он, решение. Действительно, в ряде случаев президент доверял ему миссию посредника в Абхазии и Нагорном Карабахе. Что очень важно, российские военные установили тесные контакты буквально на всех уровнях со своими коллегами в Грузии, Азербайджане и Армении. «Особые взаимоотношения» генерала Грачева с Тенгизом Китовани, министром обороны Грузии (1992—1993) и могущественным соперником Эдуарда Шеварднадзе, хорошо известны. Весной 1994 г. Грузия предприняла беспрецедентный шаг, назначив своим министром обороны уроженца Грузии заместителя командующего российскими частями в республике. Милитаризация кавказской политики, однако, привела к политизации российских военных в регионе.

По сравнению с военными, сила которых основывалась на физическом присутствии на местах, российский МИД был явно в невыгодном положении, так как его сотрудники были здесь совсем новичками. Им приходилось полагаться на драгоценный капитал контактов между людьми и собственные возможности по сбору информации. Одним из результатов отсутствия посольств, экспертов или контактов было сведение дипломатической активности к двусторонним переговорам в Москве и эпизодическим поездкам в регион министра или его заместителей. Лишь в конце 1992 и начале 1993 г. российские дипломаты создали свои резиденции южнее Главного Кавказского хребта. Были назначены особые эмиссары в целях посредничества между грузинами и абхазами и между армянами и азербайджанцами. С растущим в МИДе пониманием того, что Россия должна играть роль великой державы, сотрудничество между дипломатами и военными стало более интенсивным.

Глава российского государства лишь по временам выполнял дипломатические функции, обычно при заключении перемирия, достигнутого на переговорах при посредничестве России, как например, прекращение огня между грузинами и осетинами в 1992 г. и между грузинами и абхазами в 1992, 1993 и 1994 гг. Внутри же страны президент оставался всего лишь арбитром, в основном давая возможность своим министрам иностранных дел и обороны формулировать политику (причем их политика не всегда гармонировала).

На Северном Кавказе важнейшим бюрократическим игроком был премьер-министр — как лицо, ответственное за социально-экономическую политику. Власти республик и областей часто выступали в роли клиентов. С ноября 1992 г. и далее Москва назначала

главных администраторов в Северной Осетии и Ингушетии в районах чрезвычайного положения. Их полномочия подкреплялись войсками Министерства внутренних дел, которым в свою очередь помогала армия.

По существенным вопросам можно выявить следующую картину. В отличие от Советской России в 1920 г., нынешняя Россия не пыталась заблокировать для Армении, Азербайджана или Грузии путь к независимости. Она удовлетворилась тем, что предоставила своим воюющим и распадающимся соседям самим себе. Вскоре, однако, Москва отказалась от этой позиции невмешательства в пользу более прямой вовлеченности. Цель России, по-видимому, состояла в том, чтобы попытаться всемерно восстановить свое влияние по всему региону, в любом конфликте, чтобы не дать событиям выйти из-под контроля, открыв тем самым шлюзы для внешнего вмешательства. Москва была сравнительно удовлетворена армянскими властями во главе с президентом Леоном Тер-Петросяном, поскольку они твердо придерживались стратегического альянса с Россией, который считается гарантией национального выживания. Лидер Грузии Звиад Гамсахурдиа, при всех его причудах и антирусской риторике, не представлял серьезного вызова России: он сумел изолировать свою страну от внешнего мира, а не впустить в нее иностранцев. Он также, по-видимому, оказался податлив перед давлением Москвы, когда в августе 1991 г. оно было оказано жестоко и решительно. В декабре 1991 и январе 1992 гг. российские военные, тем не менее, решили поддержать врагов Гамсахурдиа, вероятно, потеряв терпение от все более иррациональных поступков грузинского президента.

Российская политическая элита, возможно, сыграла роль в последующем возвращении в Тбилиси в марте 1992 г. Эдуарда Шеварднадзе, бывшего главы Компартии Грузии и бывшего советского министра иностранных дел. Однако, когда Шеварднадзе, будучи почти в отчаянии от потери Абхазии, обратился за военной помощью к Западу (включая НАТО), он подвергся сильному военному нажиму со стороны абхазских сепаратистов, звиадистов в Западной Грузии и политическому нажиму Москвы. Дело выглядело так, как будто он или подаст в отставку, или будет заменен. Вместо этого он уцелел — и ввел Грузию в СНГ в конце 1993 г., а в феврале 1994 г. подписал договор с Россией, предусматривавший размещение пяти российских военных баз в Грузии и положивший начало сотрудничеству в области обороны.

Когда президент Азербайджана Аяз Муталибов был в 1992 г. свергнут со своего поста Народным фронтом, Москве пришлось смириться с существованием правительства, политика которого была менее благоприятна для ее интересов. Абульфаз Эльчибей пытался создать альянс с Анкарой, но его усилия сдерживались неудачной войной из-за Нагорного Карабаха, которую Азербайджан продолжал проигрывать, и разочарованием народа во внутренней политике фронта, которая привела к внутривластным осложнениям. В сообщениях высказывались предположения о том, что Москва была косвенным образом вовлечена в цепочку событий, приведших в итоге к смещению Эльчибея и приходу к власти Гейдара Алиева, еще одного бывшего руководителя компартии и члена Политбюро.

Хотя было бы, конечно, неверно утверждать, что как Эдуард Шеварднадзе, так и Гейдар Алиев были поставлены у власти как марионетки Москвы, нельзя отрицать, что оба они были в тех условиях наилучшим возможным выбором для России, которая содействовала их возвращению в регион. «Кадровая политика» Москвы, разумеется, не

ограничивалась верхними эшелонами закавказского руководства. Москва установила прямые контакты с такими людьми, как Владислав Ардзинба в Абхазии, со склонным к самостоятельности аджарским лидером Абашидзе, с властями Южной Осетии и Карабаха и с Гейдаром Алиевым, когда он возглавлял автономную Нахичеванскую республику, полунезависимую от Баку.

Основой влияния России в регионе, однако, являются экономические рычаги воздействия. Около 60% бюджетного дохода Армении поступает из России в форме займов^[11]. Зависимость страны от России в области поставок продовольствия и топлива еще больше. Грузия также сильно зависит от поставок российского топлива. Лишь Азербайджан обеспечивает себя в этом отношении, хотя Нагорный Карабах пользуется российской нефтью для снабжения своих войск, воюющих с азербайджанцами^[12].

Еще одним ключевым элементом российской политики являются поставки вооружения. В постсоветском хаосе, однако, продажа оружия стала опасно децентрализованной. Все стороны во всех конфликтах на Кавказе хорошо снабжаются оружием и боеприпасами. Они поступают главным образом из бывших советских арсеналов, с российских военных складов или российских оружейных заводов. Воюющие стороны могли продолжать военные действия ввиду слабого контроля над этими источниками вооружений. Таким образом, советские и российские власти, как гражданские, так и военные, несут высокую степень ответственности за уровень насилия, достигнутый на Кавказе.

Миротворчество российских войск в последнее время стало важным фактором на Кавказе. Русские солдаты были впервые введены в Южную Осетию в середине 1992 г. для разъединения грузинских и осетинских сил после подписания соглашения о прекращении огня между ними. Первоначально российский батальон занимался совместным наблюдением и патрулированием вместе с частями, принадлежавшими к враждебным сторонам. С тех пор, однако, контингенты враждующих сторон в основном выбыли из зоны соприкосновения друг с другом, предоставив русским выступать в роли единственных гарантов перемирия. При этом следует отметить, что акты насилия прекратились. Присутствие войск помогло достижению стабильности, хотя и не мира. Через два года после окончания военных действий, мирный процесс еще не начался и Южная Осетия фактически остается вне контроля Тбилиси. Эта расстыковка военной операции и процесса мирного урегулирования несет с собой реальную опасность того, что конфликт в Южной Осетии вновь воспламенится. В июне 1994 г. Россия начала крупномасштабную мирную операцию в Абхазии с участием около 3 тыс. человек. Реальное испытание успеха этой операции будет заключаться в том, позволят ли грузинским беженцам вернуться в свои дома.

В других областях миротворческие усилия России оказались менее успешными. Размещение российских военных наблюдателей вдоль азербайджано-армянской границы в 1991 г. предотвратило расширение конфликта, но не повлияло на боевые действия в Карабахе. Несмотря на упорные усилия, весной 1994 г. Москве не удалось убедить азербайджанцев допустить российские силы по поддержанию мира в Азербайджан. Между 1992 и 1993 гг. российские войска в Абхазии (иногда в средствах массовой информации именуемые «силами по поддержанию мира») не всегда соблюдали официально провозглашенный нейтралитет. Вместо того чтобы в дисциплинарном порядке наказать тех, кто это допустил, российское военное

командование, по сообщениям, помогало абхазам. В результате доверие к России как к гаранту Сочинского соглашения (подписанного 27 июля 1993 г.) было серьезно подорвано.

5. Перспективы

Приведет ли эта напористость России к реставрации империи? Со времени парламентских выборов в декабре 1993 г. влияние в России как ультранационалистов, так и сторонников воссоздания Союза возросло. Было бы неразумно исключать любую возможность прихода к власти в России ксенофобского и империалистического режима, который создаст смертельную угрозу для недавно обретших независимость соседних государств, в том числе для трех государств Закавказья. Тем не менее было бы столь же неправильно видеть в этом самый вероятный сценарий.

Взаимоотношения между кавказцами и русскими были и являются более сложными, нежели просто попытка Москвы восстановить гегемонию и очевидное желание Баку, Еревана и Тбилиси не допустить этого^[13]. В нынешней ситуации российская политическая элита сталкивается с двумя альтернативами: либо стремиться к реставрации СССР («полной интеграции»), либо избрать более умеренную политику, направленную на сохранение политической независимости новых государств, тем самым сохраняя преимущества СССР перед бывшими «братскими республиками». Иными словами, выбор ограничен: осуществлять прямой контроль или попытаться сыграть ведущую роль^[14]. Интересы России предполагали бы последнее, ее традиции — первое. При отсутствии адекватных ресурсов и исчезновении стольких традиций интересы страны, быть может, имеют немного больший шанс возобладать.

^[1] См. соответственно: Концепция внешней политики Российской Федерации. // Дипломатический вестник. 1993, январь, спецвыпуск; Независимая газета. 1993. 29 апреля; Основные положения военной доктрины Российской Федерации. // Красная звезда. 1993. 19 ноября.

^[2] Московские новости. 1992. 4 октября.

^[3] Соответственно 25 тыс. (Краснодарский и Ставропольский края) и 6 тыс. (Москва) к концу 1992 г. (См. Независимая газета. 1993. 5 февраля).

^[4] См. данные, представленные Центром гуманитарных исследований (Москва) по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. // Российская газета. 1993. 26 июня.

^[5] См. Московские новости. 1994. 19-26 июня. С. 4А.

^[6] Сегодня. 1993. 13 ноября.

^[7] Интервью газете «Сегодня» 24 августа 1993 г.

^[8] Интервью газете «Известия» 9 июля 1993 г.

^[9] Российская газета. 1993. 9 апреля.

[\[10\]](#) Армения, например, получила полторы мотострелковые дивизии, в то время как Азербайджан получил свыше 330 танков, 350 БТР, 449 БМП, 338 единиц артиллерии и 270 минометов. Независимая газета. 1993. 5 февраля.

[\[11\]](#) См.: Jean Gueyras. L'Armenie piegee par la guerre du Karabakh. // Le Monde diplomatique, 1994, fevrier. P. 3.

[\[12\]](#) См.: Московские новости. 1993. 6 июня. С. 3А.

[\[13\]](#) Transcaucasia: 'Hell is Other People,' // Strategic Survey 1993-1994, I.I.S.S., London, 1994, pp. 89-98.

[\[14\]](#) Стратегия для России (2). Доклад Совета по внешней и оборонной политике. // Независимая газета. 1994. 27 мая.